

Любовь Рыжкова

КРОМЕШНАЯ БЫЛЬ

(О творчестве поэта Ивана Голубничего)

У

меня в руках небольшая книжка «Стихотворения», в шестьдесят две страницы, когда-то подаренная поэтом. Кажется, говорить о каких-либо судьбоносных выводах о его творчестве не стоит. С одной стороны, что можно сказать по одной книге? Ведь она может быть отражением определенного этапа, ступеней поэтического роста — мало ли какие бывают периоды в человеческой жизни, здесь могут отразиться как взлеты, так и падения, как озарения, так и заблуждения. Но, с другой стороны, даже одна книга может сказать об авторе очень много — например, о характере его поэзии, степени дарования, мастерстве, выборе изобразительно-выразительных средств и много о чем другом.

Кто он — Иван Юрьевич Голубничий? Муж в черном одеянии. Весьма закрытый человек. Литературный функционер. Неведомый поэт. Загадочная личность. Он вроде всегда на людях, но будто всегда один. Он весь на виду, но будто где-то не здесь. Он всегда спокоен, но кто знает, какие бури бушуют в его душе, а ведь они бушуют. Признаюсь, что я знаю его немного лично, но только немного.

На обложке фото — длинноволосый молодой человек с печалью, если не тоской в глазах смотрит на вас, как бы спрашивая о чем-то. О чем? И что за печаль в его глазах, откуда, чем продиктована? Не будем гадать. Сначала откроем книгу и окунемся в стихи.

Сейчас он, безусловно, выглядит иначе — возмужавшим, спокойным, сдержанным, без длинных волос, но утихли ли бури?

«МЕРЦАНЬЕ ТАЙН».

О мятежном состоянии лирического героя

Едва начав читать, мы столкнулись с некоторой странностью — использованием лексики определенной эмоциональной окраски: «темные одежды», «дорожная пыль», «остатки даров», «угрюмые надежды», «угасшие глазницы», «иллюзий крах», «сожженные миры», «остывающий прах», «смертельная тоска»... Что за декаданс, откуда такое упадочничество, что за вектор мышления и куда он направлен? И это — сразу, в первом стихотворении сборника. Перед нами тревожная, суггестивная лирика, причем настолько напряженная, что становится страшно за лирического героя. Единственное, что дает надежду на временность этого настроения — строчка «девственных снов лепестки», конечно, несколько сентиментально, но искренне.

Названия подразделов сборника тоже не вызывают оптимизма — «Скорбный ангел», «Клеймо». Что же за тревога поселилась в душе лирического героя и точит его сердце? Чем она вызвана к жизни? Попробуем разобраться.

И вот оно — открывается то тайное, заветное, тщательно скрываемое от других (ведь мы все прячемся в своих стихах, стараемся выплеснуть и одновременно завуалировать свою печаль). У Ивана Голубничего в данном случае — это мысли о «кое-как прожитом годе» и такое понятное для человека желание обрести сопонимание и сочувствие, потому и появляется образ уголка, где «розовый восход» и «белые туманы». Значит, поэтом руководило стремление быть услышанным и понятым — собственно, естественное для любого поэта. Еще Маяковский прекрасно это выразил в строках, ставшими хрестоматийными: «Я хочу быть понят мой страной, / А не буду понят — что ж, / По родной стране / пройду стороной, / Как проходит / косой дождь».

Значит, в душе нашего автора все кипело, бурлило, рвалось наружу и стремились быть запечатленным в «трепещущей строке». Мы говорим о стихотворении «Любимых слов прекрасная тщета...», но к нему мы еще вернемся.

Не случайно возникло ощущение тревоги, уже в следующем стихотворении читаем: «А может, просто жизнь совсем пьяна? / Там, на дворе, лихие времена». Перед нами минорная лирика? Упадочнические мотивы? Да еще какие. Как же он живет с этим? В какой-то момент показалось, что от поэзии Голубничего возникает ощущение призрачности, прозрачности, некой мотыльковости, словно перед нами — кисейное полотно, где все трепещет, искрится, мерцает и полно тайн. Что же это такое?

А может, так и есть, вот ведь его строки: «Мерцанье тайн в трепещущей строке, / Премудрых книг святая нищета...» Может, он весь в этом — в недосказанности, одновременно — в желании выговориться и тут же укрыться, уйти в свой мир.

Как видим, характер лирического героя вырисовывается сразу и, кажется, он далек от радостей жизни и не видит ничего для себя отрадного, он всюду одинок, для него везде — «заброшенная страна» и «в каждом теле зреющая смерть». Но почему смерть, а не жизнь? Как это так? Откуда такое уныние, пессимизм и безысходность? Неужели это его данность и ничего не меняется в его мировосприятии? Быть этого не может, ведь так не бывает, чтобы мир человека был окрашен только одной краской — черной. Но пока у нас только маленькая надежда на то, что для него это возможно.

Хотя... когда-то давным-давно, едва окончив университет, я прочитала книгу психолога Владимира Леви «Искусство быть другим», откуда выписала, в частности, и такие строки, словно знала, что они пригодятся и встретятся именно такие люди. «Но и пессимизм пессимизму рознь. Если и черный цвет входит в состав Истины, то должны жить на свете и люди, особо к нему чувствительные. Есть эмоциональные дальтоники, видящие только черное. Если им нельзя помочь, значит, это их роль, их удел, их работа. Есть люди, одиночество которых делает неодинокими остальных. Если только их действительно невозможно спасти, возблагодарим их, преклонимся перед ними за то, что они тонут за нас. Великие страдальцы, великие пессимисты среди художников и мыслителей учат нас быть настоящими оптимистами».

Так, может, этот как раз тот самый случай? Иван Голубничий — из тех самых страдальцев, которые «тонут» за других? Не зря же он и в прямом смысле одевается во все черное, как будто подчеркивает свое внутреннее одиночество и... хотела написать «неприкаянность», но подумала, что неприкаянности у него нет, а есть беспокойство, внутренняя мятежность, душевная неприютность. Трудно об этом говорить, но еще труднее с этим жить. Однако будем читать дальше.

Вот, например, стихотворение «Триптих» — о чем оно? Лирический герой видит сон — чужая земля, угрюмая страна, истерзанный народ и... повешенный в петле... Таков сюжет и такова лексика.

Потом ушли и близких унесли...
Вдали пылал и плавился Восток —
Кровавый шар в космической пыли.

Жутковатая картина, если не сказать жуткая и зловещая. Вот и герой спрашивает: «А если сон продлится — что тогда?» Но он ждет Спасителя и ждет знак. Однако в его сердце живет тревога и ощущение беды — бывшей, настоящей, грядущей. Он опасается, что «И властью облеченные пройдут / По всей земле, творя неправый суд...» И далее: «И зацарят средь выжженных пустынь, / Глумясь над прахом попранных святынь». В третьей части, написанной другим размером, лирический герой обращается к отцу:

— Нет, ты послушай, отец:
Нынче **на черном коне**
Странный тревожный **гонец**
В **полночь** являлся ко мне!

Аллюзия? *Гонец на черном коне в полночный час* — уж не есенинским ли Черным человеком он навеян? «*Черный человек / На кровать ко мне садится, / Черный человек / Спать не дает мне всю ночь*». И далее: «*Черный человек! / Ты прескверный гость! / Это слава давно / Про тебя разносится*». И там, и там — ночь, и там, и там этот странный человек — гость нежданный (и человек ли?) Как удивительно такие параллели в русской поэзии, как переплетаются стихотворные мотивы у разных поэтов, казалось бы, разделенных временем, расстоянием и много чем другим. И как они друг друга слышат, чувствуют, понимают, сопереживают... В том же «Черном человеке» Есенин писал:

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую...

Правда, дальше речь идет о другом, но главное мы подчеркнули. Когда-то другой выдающийся русский поэт Николай Тряпкин написал удивительное стихотворение «Будильник», полное тяжелых предчувствий. В этом стихотворении ход обычных часов в ночной тиши воспринимается им не как простое тиканье, а как стук копыт неведомого всадника. И все стихотворение охвачено мрачноватыми мистическими настроениями, словно жутковатый покров, туманная завеса укрывает от нас некое таинство. И только: «Звучно цокают подковы. Путь ложится напрямик. / Конь копытами считает каждый камень, каждый миг». Поэт задает вопрос: «Кто он — всадник неустанный? Просто путник иль *гонец*? / Из какого он предела и в какой спешит конец?» Тряпкин в духе народной традиции воспринимал смерть и связывал ее с холодами, близостью зимы, стужи и переходом за некую черту, границу между мирами и этим всадником-гонцом. И он понимал, что этот невидимый, таинственный Всадник — само неусыпное Время, которое отсчитывает каждое мгновение жизни, и лирическому герою становилось страшно.

Вот и Иван Голубничий обращается к образу некоего *гонца на черном коне*, и он, этот гонец, — далеко не счастливый глашатай нежданной радости, а мрачный пред-

вестник неминуемой беды. Поэт смущен его появлением, а он все «бродит в преддверье конца» и рассказывает «о разоренной земле». Потому лирический герой обращается с вопросами к отцу, как к более знающему и опытному человеку. Но что отвечает ему отец? «Все это будет, мой сын, / Все это было не раз». То есть... как случались на земле беды, так будут случаться и впредь (впрочем, точно так же, как и радости). И ничего не изменишь в этой странной очередности, в смене добра и зла, поскольку это, по всей видимости, некий канон мироздания. И кто знает, может быть, для того чтобы окончательно исчезло зло, должно случиться какое-то эпохальное, грандиозное космическое событие? Какое? Например, раскается и понесет наказание сатана, исчезнут легендарные аннунаки, возродится Пангея, освободится от льдов Гиперборея или что-то еще. Но пока, увы, первичное зло не исчезло, и потому в разных ипостасях и обликах (войны, болезни, голод, засуха, наводнения, землетрясения, неурожай) оно появляется на Земле. Философы, мыслители, поэты-провидцы это понимают, чувствуют и запечатлевают доступными им средствами.

Кстати сказать, фигура гонца и раньше появлялась в стихах Голубничего. Душается, ни один образ не возникает случайно, он всегда навеян какими-то ассоциациями, смутными, бессознательными ощущениями и предчувствиями.

Так что же — череда бед на земле нескончаема? Так и будет из года в год, из века в век вершится ненаказуемое зло? Ужели такова участь земной цивилизации? Но отец говорит здесь нашему герою такие знаменательные слова:

Встанет земля из руин,
Пепел развеют ветра...

Стало быть, появляется надежда на светлое будущее — то самое, о котором в течение тысячелетий мечтало человечество? Но светло ли оно, это будущее? А вот это зависит уже от самого человечества, его образа мыслей, деяний и кармы как результата деятельности. Для того, чтобы светлое будущее стало светлым настоящим, должен измениться сам человек.

По Ивану Голубничему (поскольку он традиционалист и реалист), все повторяется на свете — добро сменяет зло, победы — поражения, день — ночь, светлая полоса — темную. И только черные одежды самого поэта, кажется, остаются неизменными. Но ростки позитива в его стихах все же появляются — и, может, наши опасения за лирического героя напрасны? Обратим внимание, что поэт все же предчувствует:

И золотые будут времена,
И прорастут иные семена...

Он даже был уверен в том, что воцарятся мир и спокойствие, и «ржавчиной покроются ножи». Хотелось бы надеяться, что в душе лирического героя наступил некий перелом. Однако... не тут-то было.

Уже следующее стихотворение возвращает нас в привычно-минорный мир:

Сегодня странно тусклы зеркала,
Насмешливо глядят со стен портреты,
И будто больше пыли на предметах,
И тяжелее за окошком мгла...

И неуют домашнего тепла
Мне также странен — что случилось в доме?
Молчат часы. Свеча, сгорающая, тонет
В своих слезах на краешке стола.

Все та же лексика: пыль, мгла, неуют, пустота, боль... И две последние строчки словно пригвозждают читателя: «Заря холодной кровью истекла / Над миром из бетона и стекла». И снова хочется спросить... нет, даже уже хочется закрыть

чать: ну почему? Ну почему зря истекает «холодной кровью», а не разливается по небу яркой, светлой, теплой полосой, предвещающая радость, солнце, добро, светлый и чистый день? Неужели прав был Леви, говоря об эмоциональном дальтонизме? Неужели и впрямь существуют в мире такие прирожденные пессимисты? Неужели поэт Иван Голубничий — из вечных печальников Руси? Как же он живет в этом мире? Где силы находит?

Начиная читать каждое его стихотворение, все время находишься в ожидании: вот сейчас наступит эмоциональный перелом, поэт изменит тональность, и в его настроениях появятся иные нотки. Обратимся к стихотворению «Вечер. Шкаф платяной...» — кажется, обычная картина обычного дня, но... в шкафу почему-то «треснули зеркала», а по краю стола лежит пыль; от лампы исходит «унылый свет»; и за ледяным окном такая же «ледяная жуть», и даже небеса «больные». Отчего же так, Господи? Но последняя строфа как будто все объясняет: «Слышишь — с больных небес / Стоны сквозь дождь и снег? / Это бездомный бес / Ищет себе ночлег».

Вот оно, в чем дело. Может быть, дело вовсе не в личном мировосприятии, не в особенностях склада души, а в отражении реальной жизни и того, что в ней происходит. И можно сказать, что это уже проявление эмпатии человека... к мирозданию, ко всем живым существам и даже... к бесу. Это старая и сложнейшая тема. Не углубляясь в нее, лишь отметим это стихотворение как поэтическую удачу автора.

«НЕЗАМАРАННЫЙ ЦВЕТ НАШИХ ЧЕРНЫХ РУБАХ...»

О лексическом составе

А теперь более пристально посмотрим на лексику поэта и зрительно представим создаваемый им мир. Что же мы видим? А видим мы печальную картину, где много холода и темноты, глухих ночей и сырых ветров, тяжелых веток и гнилых болот, пустынных садов и закатов во мгле, то есть картина складывается не вполне радостная: «Ночь темна, и жизнь темна...».

Часто встречается у поэта эпитет «холодный», это может быть холодная кровь, холодная полночь, холодные дни, холодная строка, холодная тьма, холодная бритва, холодная звезда, холодные ветра, холодный огонь, холодная вода...

Не менее часты и следующие эпитеты: *темный, ледяной, мертвый, угрюмый* и т.д.

Мир человека, страны и времени охарактеризован следующими сочетаниями: «странная боль», «тихий стон», «страшные мысли», «необъяснимая тревога», «ужасные дела» и т.п. Не менее радостен и мир природы: здесь «удушливый дым», «смрадный дым», «унылый свет», «неживые пустыни», «забытые тропы», «больные небеса» и прочее. Правда, на этом фоне встречаются и «пламенное утро», «пламенные аллеи», «пламенные признания», «пламенная строка». Кстати, удачные эпитеты — «кромешная боль», «прекрасная тщета», «трепещущие строки», «сонные осенние ветра».

А какие существительные наиболее часты в поэтическом пространстве поэта? *Неуют, мгла, слезы, пустота, боль, тени, безумие, дым, стон, пыль, разлука, жуть, тьма, тоска, тревога, прах...* Мы не выбирали специально, мы просто читали стихи подряд. И как видим, здесь тоже складывается довольно безрадостная картина.

Не ошибемся, если скажем, что Голубничий давно живет именно такой реальностью. Да, этот невеселый, мягко сказать, взгляд на мир для него обычен. Да, он пессимистичен, но его упадочничество — его личный порядок вещей, жизненный расклад. Его пессимизм особого рода, он не призывает к мраку, не убивает душу, не зовет во тьму.

Для примера: когда мы говорим о поэзии Серебряного века, то сразу вспоминаем ее противоречивый характер, направленность во тьму, стремление к темной бездне. Здесь очень кстати сочетание Пушкина «бездна бед», оно как нельзя лучше характеризует этот тяжелейший во всех смыслах исторический период — эпоху притяжения тьмы и непритяжения света.

Стихи Голубничего тем и отличаются, что он не посягает на гармонию небес, не отрицает радость жизни, не живет во тьме — просто он не может почувствовать себя своим среди всеобщего веселья. Он таков, каков есть, и ничего-то с этим не поделаешь. Значит, это его статус на земле. И когда читаешь эти строки: «Ты мне подарила серебряный крест — / Я память твою берегу... / Здесь ночи крошечны, пустыня окрест, / Лишь темные камни в снегу...»; или эти: «И этот горький дым степных кустов, / И эта жизнь, как будто во хмелю...»; — то понимаешь, что перед нами данность автора. Крошечная ночь, пустыня, темные камни, горький дым, лютый холод... При этом он не стремится, как иные поэты, нарочито, картинно изобразить из себя страдальца, эдакого гонимого херувима, одинокого скитальца, «мокрого пилигрима»... Просто он такой, видимо, от природы, от рождения, от склада своей психики.

Когда пришло это понимание, стало легче, и уже не так страшно за лирического героя. Значит, у него такая душа, и надо его таким принять, это его путь — путь развития, эволюции и восхождения.

Когда я читала стихи Ивана Голубничего, мне временами казалось, что он может обрести покой там, где образа «в серебряных ризах» и где звучат «чистые молитвы». Безусловно, каждому — свое. Тем не менее, религиозные (хотя и противоречивые) чувства живут в душе Ивана Голубничего, именно в приобщении к вере он пытается найти «свет, что нынче угас». Эти настроения в той или иной степени отражены в стихотворениях «Зря отбиваешь поклоны...», «Когда устанешь от пустых затей...», «Триптих», «День пролетел, как светлый херувим...», «В багровом мареве заката...» и других.

Он стремится познать Бога «в тайном откровении», и когда наступает предзакатный час, он чувствует «тайное брожение» и «вздохи мировой души»... Лучше процитируем:

И в сей нарушенной тиши
Почуешь тайное брожение,
Забывших снов отображение
И вздохи мировой души.

И сокровенные черты
Того, кого постичь не можешь,
Лишь тихо шепчешь: «Боже, Боже...»
И Некто внемлет с высоты.

Как известно, Мировая Душа — философское понятие, понимаемое как Бог-Творец, Абсолют, источник всего, движущая сила, энергия, разумный канон космоса. А говоря о черных одеждах поэта, мы можем предположить, что подобное «черное оперение» — его своеобразная защита. Не здесь ли отчасти и объяснение?

«БУКЕТ ИЗ ЛИСТЬЕВ КЛЕНА И КАШТАНА...»

Об удачах и промахах

Что же нас привлекло в творчестве поэта, что удивило, быть может, что вызвало некоторые вопросы?

Лично мне нравится, что поэт использует такие устаревшие слова и выражения, как *вотще*, *чу*. А чего стоит старинное обращение *жено*, аналогичное таким словам-обращениям, как *отче*, *старче*, *друже*, *душе*... Помните, из покаянного канона: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?..»

У него есть удачные строки: «...сияли небеса / Ответом на мучительный вопрос». Или: «А нам смотреть из темноты веков / На торжество осмеянных стихов». И, между прочим, строка «в каждом теле зреющая смерть» — точна и метка, несмотря на весь свой трагизм. И трудно с этим не согласиться.

Есть ясные по форме выражения и запоминающиеся строфы: «Когда к родимому порогу / Придешь, как гость, издалека, / Захочешь помолиться Богу — / Но не поднимется рука». Или: «Чей-то шепот, свет нездешний, / Тихий свет во тьме крошечной, / Будто бы туман. / А на сердце, под одеждой, / От утраты неизбежной / Верный талисман». Или: «Лихие времена. Тоска в глазах. / Над темной далью колокол усталый / Плывет — и вдруг теряется впотьмах, / Как будто сердце биться перестало».

Встречаются удачные стихотворения: «Как трудно пьяному домой...», «И этот горький дым степных костров...», «Час предзакатный — Боже мой...», «Что, Родина моя?.. Как сон больной...», «В багровом мареве заката...». В этом ряду отметим и следующее стихотворение:

Не надо ревновать меня — ни к Богу,
Ни к темному осеннему туману...
От этих дней осталось мне немного —
Букет из листьев клена и каштана.
Да те, кого я знал еще вначале.
А тех, кого я слишком мало знал,
Кто просто любит наши имена —
Их имена припомню я едва ли.
Я далеко не все запоминал.

Но здесь, на наш взгляд, лишним является стих «Кто просто любит наши имена», к тому же, он выбивается из общей структуры, нарушая композицию стихотворения. Встречаются композиционно интересные вещи, например, «Любимых слов прекрасная тщета...», где после каждого катрена идет отдельный пятый стих, словно подытоживающий мысль и дорисовывающий весь образ.

У Голубничего цепкий, парадоксально-метафорический взгляд, что находит свое выражение в поэтических строчках: «Поздние гости — сырые ветра»; «Рассвет пронзает ночь холодной бритвой». А вот какой поэтичный, нежный и пронзительный образ: «И чтобы звезды там, во мгле, / Слезами по небу стекали».

Конечно, встречаются в его стихах и ритмические сбои, и трудночитаемость, незаконченность мысли, как в стихотворении «И городов бунтующая твердь...» Неточные рифмы: о чем — еще, ветра — раз, перо — строк и другие. Но зато есть и редкие рифмы: мотылек — прилег.

Кстати, образ мотылька в его творчестве довольно любопытный, если не показательный; он у него «прозрачный», «сонный», но дело не в этом. Образ этого крохотного насекомого может выступать символом. Помнится, у Николая Заболоцкого одним из любимых был, казалось бы, совершенно простой, незамысловатый образ кузнечика, но кузнечик у него не просто насекомое, он — «маленький работник мироздания». У Голубничего образ мотылька, вероятно, подчеркивает ненадежность и обреченность отношений двух людей, даже некую призрачность, мотыльковость их связи.

Заодно заметим, что весьма важна для него тема любви, впрочем, как и для каждого поэта. Огромное множество оттенков и полутонов имеет это глубокое чувство, дающее человеку подлинную радость и ощущение полета, но и приносящее ему настоящие муки. Этой теме в той или иной мере посвящены стихотворения «Забудь меня. В затерянном краю...», «Путь к вышей цели, или просто путь...», «Мой ангел, где ты, здесь ли?.. Тишина...», «Плавилось небо багрово...» и другие. Но что принесла она лирическому герою?

Моя любовь тогда меня ждала.
Она такая хрупкая была!
Она сегодня утром умерла...

Кажется, и здесь его подстерегает не то чтобы неудача или одиночество, а скорее, *невстреча* своего человека. По крайней мере, в этой книжке нет стихотворений о счастливой любви.

Если говорить об образах, создаваемых Иваном Голубничим, то, пожалуй, наиболее заметным является образ окна. В самых разных контекстах возникает оно в его стихах, почитаем некоторые строчки:

«Я полюбил в глухие ночи / Смотреть сквозь мутное *окно*...»;
«Лишь поздние гости — сырые ветра — / Стучатся в *окошко* ко мне...»;
«Привычные вещи, постель и *окно*, / Простые владенья мои...»;
«В сей поздний час мой дом и пуст и темен. / Смотрю в *окно*...»;
«Погляди в свое *окно* — / Ни души и ни жилия»;
«Лишь только ветер, ветер бьется / В мое *окно*».

Окно — не новый образ в поэзии; оно может являться как символом связи с миром, так и отдаленности от него, как защищенности, так и уединенности, а еще — замкнутости, отверженности, открытия чего-то нового и т.д. Окно — часть бытия литературного героя Голубничего, и судя по всему, оно выполняет важную функцию — спасает его от внешнего мира, а для него это очень важно.

ЧЕРНЫЙ ЦВЕТ В СОСТАВЕ ИСТИНЫ?

В стихотворении «Однажды, в тихом сентябре...» есть символическая строфа:

Когда холодная строка
Срывается тоскливым криком,
И ночь в молчании великом
Грядет, как будто на века...

Когда я ее прочитала, то вдруг почувствовала в этом поэте ни много ни мало родственную душу. Нам всем одинаково важно, чтобы рождались строки — в ночи ли, среди бела дня ли, потому что они — наша связь с мирозданием и, если хотите, общение с Творцом.

И еще хочется сказать вот о чем: как поэт позиционирует самого себя? Сложный вопрос, ведь это попытка заглянуть в душу. Прочитаем несколько его строк: «А нам смотреть из темноты веков / На торжество осмеянных стихов»; «Забудь меня и мой тревожный стих...»; «И все тоскуешь об одном — / О невостребованном даре...»; «Холодной полночью дыша, / В угаре темных откровений / Узнаешь вдруг, что ты не гений — / И успокоится душа». Конечно, это все та же попытка быть услышанным и понятым — очень человеческое желание. Правда, у поэтов, к великому сожалению, по словам Дмитрия Кедрина, есть давний «обычай — в круг сойдясь, оплевывать друг друга». По всей видимости, Иван Голубничий — закрытый человек. Но вы подберите ключики — прочтите его стихи, попытайтесь понять, услышать биение живого поэтического сердца, и вы будете вознаграждены.

Если у поэта — душа-страдалица и печальница, единственный источник выплеска эмоций для нее — поэзия. Вспомним, черный цвет — в составе истины, которая нам всем одинаково важна. Может быть, одинокий пессимизм таких поэтов действительно спасает от одиночества всех остальных и учит их быть оптимистами.